

Коктебельская сюита
серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ

АЛЕКСАНДР ЗУБКОВ

The book cover features a central stone archway set against a vibrant green landscape with a dirt path leading to a tree. Through the arch, a dark blue starry sky is visible, containing four large, glowing orange-red planets. At the bottom, the dark, weathered stone structures of Stonehenge are partially visible.

Александр Павлович Зубков
Доказательство существования
Серия «Коктебельская сюита»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56037500

*Доказательство существования. Роман: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907306-59-2*

Аннотация

Борьба за диссертацию включает множество приемов и встречает сопротивление на многих уровнях социальной жизни. Ведь ее успешная защита предполагает в дальнейшем серьезное улучшение материального благополучия и административный рост молодого ученого. У Сергея вроде бы все неплохо с научными изысканиями, но к защите дело никак не продвигается. И героя накрывает ностальгия – тоска по малой родине, покинутой им навсегда.

Содержание

1	4
2	7
3	9
4	11
5	14
6	18
7	21
8	24
9	26
10	28
11	32
12	34
13	36
14	39
15	41
16	43
17	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Александр
Павлович Зубков**
**Доказательство
существования**
Роман

1

Я постоял под душем, постепенно понижая температуру падающей на меня воды; когда ощущение холода стало непереносимым, я оставил ручку крана в покое. Затем с удовольствием вытерся.

Этим пасмурным апрельским утром нам с Инной предстояло ехать на свадьбу Марины и Петра; в назначенный час, когда дождь немного поутих, мы выехали. Георгий Петрович, отец Инны, бывший военный летчик, уже был там, на месте.

И вот наконец свадьба.

Здесь было что-то вроде авансцены, причем отнесенной достаточно далеко. Бравые упитанные молодые люди сделали представление о «жизни и деяниях Петра» (в танце); было

хорошо. Затем три сестры Льва Ефимовича – отца Марины – спели песню Анны Герман «Один раз в год сады цветут».

Я говорю – упитанные, на самом деле они, пожалуй, были нормальными, это я был чрезмерно худощав.

– Я Лев, но не Толстой, Эренбург, но не Илья. Поэтому запомнить меня легко, – сказал Лев Ефимович, полковник медицины в отставке. Он был довольно худой и несколько согнувшийся.

– Он Лев, а моя фамилия Медведь, так что подружиться, – подхватил отец жениха.

Слово взял тамада.

– А это моя жена. По отчеству Марксовна, а фамилия в девичестве была Старая. Алла Марксовна Старая.

Жена его сидела рядом, неподвижно, и на лице ее было что-то похожее на полуулыбку.

Что касается Льва Ефимовича, то он когда-то давно жил по соседству с Георгием Петровичем, и они дружили; он часто помогал всей семье как врач. Впрочем, Лев Ефимович отлично понимал и в иных вопросах; Валентина Николаевна, покойная мать Инны, когда нужно было разобраться с какой-то проблемой, приходила к ним, и Евгения Моисеевна, жена Льва Ефимовича, говорила:

– Валечка, посиди немножко, сейчас придет Лева.

Вот Лев Ефимович пришел и тотчас же разобрался во всех вопросах: такое-то постановление, такие-то решения – и все стало ясно.

Я тоже обратился к нему, когда у меня возникли проблемы со здоровьем.

Сегодня Лев Ефимович подошел ко мне и спросил:

– Как дела, Сережа?

– Лучше, хотя бывает еще всякое, но уже не то, что было.

Вы здорово помогли мне, Лев Ефимович.

– Очень хорошо, великолепно!

К нам подошел Георгий Петрович и сказал:

– Лев Ефимович, ты сделал чудо! А не мог бы ты подсказать? Вот после моего падения на льду пошумливает что-то иногда в голове.

– Прекрасно, замечательно! – кивнув мне, сказал Лев Ефимович, и они с Георгием Петровичем отошли в сторону.

Да, подумал я, замечательно; Алла Марксовна продолжала сидеть со своей непонятной улыбкой. Мне было почти хорошо; сегодня воскресенье, а завтра понедельник, и мне не идти на работу, я отпускник.

2

Давным-давно, в один из первых мартовских дней, мы с начальником сектора Лыковой шли по коридору, и она радостно говорила, что все будет в порядке, что есть машина для вычисления нужных параметров, и все здесь замечательно, и если я захочу сделать работу – тут она со значением посмотрела на меня, – то сделаем. И мое настроение было прекрасным. Мы пришли в комнату, где располагался сектор, и я стал потихоньку знакомиться с сотрудниками; первым ко мне подошел Батурин. Он был лет на двадцать старше меня, одет в светлый костюм; должность – ведущий инженер, руководитель группы. Он положил руку на серый прямоугольник с клавишами, лежавший на столе.

– Ну вот, вычислительная машина. Знаешь, Сережа, я просто рад, что у нас есть такое вычислительное средство. У нее память двести пятьдесят шесть кубиков, и туда мы помещаем наши программы.

– Отлично, – сказал я.

– Сейчас я покажу тебе одну программу.

И мы стали разбираться; как только я немножко понял, что это такое, Батурин сказал:

– А вот наши сотрудники, – и представил меня Вале и Володе. Мы обрадованно улыбались.

– И вот сейчас к нам подойдет ведущий инженер Горбов-

ский. Мы должны получить от него всю информацию по изданию.

Горбовский был небольшой, седой, и на носу его, на самом кончике, было несколько длинных волосинок, они все время требовали внимания. Смотришь на него, а глаза постоянно соскальзывают на волосинки; так в конце концов и завершился первый день.

Вечером я вышел из института и направился к метро, минут десять идти пешком, пересечь улицу Солянку, и вот площадь, где люди поднимаются или спускаются к подъезжающим поездам. Я обернулся и посмотрел назад, дорога к институту шла наверх; если идти на работу рано утром, ты как будто штурмуешь этот путь.

Дома был Георгий Петрович.

– Ну, как дела? – спросил он.

– Ничего. Начал разбираться.

– Когда ты работаешь, надо знаешь как? Делай как будто бы все, что только начальство ни прикажет. Но совсем все делать нельзя. – На лице его появилась улыбка. – Понимаешь? Надо, чтобы что-то как бы не совсем было сделано. Как бы игра была. Но чтобы нельзя было тебя ухватить. Понимаешь?

– Да, – сказал я, – понимаю.

3

Нашей тематикой занимались военные; прочитав их книги, я понял, что путь расчета, который предлагает их институт, неправильный.

– Владимир Михайлович (так звали Батурина), – сказал я, – по-моему, их теория ошибочна.

– Ты знаешь, мы уже думали об этом, но как тут быть, не знаем. Их институт является головным по нашей тематике. Может, лучше сидеть спокойно и делать по их методике?

Я обратился к Лыковой, высказал ей свои сомнения.

– А рассчитывать надо как? Берем объект и смотрим: если он мал – то делаем приближение как к малым объектам. А когда он велик – то рассматриваем его как полубесконечный.

– Да-да, – сказала Лыкова. – Здесь что-то есть. Попробуй, Сережа.

– Хорошо.

Я посидел пару дней и нашел приближенные решения для малого и большого объектов; что порадовало, так это то, что результаты для большого объекта не стремились бесконечно расти, а приближались к некоему пределу.

И мы стали вычислять по новому методу.

В начале осени в Ленинграде проходила встреча разработчиков по нашей тематике, и Лыкова, собираясь на нее, взяла меня. Батурин некоторое время был обижен: он все-таки яв-

лялся руководителем группы, но что же тут сделаешь? Я написал статью по методам вычислений, и повезли ее на конференцию.

Конференция проходила в большом и серьезном НИИ. Собралась масса гражданского и военного народа; военные, чтобы не привлекать ничьего внимания на подходе к НИИ, были одеты в гражданское. Тут оказались Пудов и Картанов – представители головного института; Пудов был маленький, уже в годах, полковник, лицо рябое, а Картанов – большой и красивый, капитан, автор тех теорий, что заставили нас задуматься. Тут было множество людей из гражданских институтов; со всеми Лыкова была накоротке – смеялась и перебрасывалась шутками.

Я сдал статью, но слова мне никто не предлагал; выступали Пудов, Картанов и другие солидные сотрудники. Лыкова выступила с большим докладом по своей тематике, в другом помещении; она занималась несколько иными, родственными, делами, а мы с Батуриным были в ее секторе.

И вот конференция закончена, мы едем домой, в Москву.

4

Я поднимаюсь по улочкам, ведущим к нашему институту предзимний воздух вливается в мои легкие. Я подхожу к длинному зданию в семь пятьдесят восемь; если я опоздаю на пять минут, то меня ждет испытание. Одна из старых женщин, сидящих за стеклянными окошками, заставит писать объяснительную записку, и далее эта записка пойдет по всем верхам. Начальник сектора проведет с тобой беседу; на первый раз это все. Если же опоздаешь во второй раз – тебя лишат квартальной премии; квартальная премия равна твоему окладу. Поэтому никто никогда не опаздывает; если уж случилось опоздание, ты должен остановиться, звонить своему начальнику сектора и дальше ходить вокруг да около института час или два. И уже после хождения подходить к старым женщинам с выражением спокойной уверенности на лице.

Я не люблю этого и поэтому никогда не опаздываю. Слава богу, весь мой путь от дома до работы занимает пятьдесят минут; если я отправился ровно в семь – значит, все будет в порядке.

Жизнь стала весьма трудной: постоянная, непрекращающаяся стирка пеленок. Инна нездорова, двигается с трудом. Плакала от страха в первый день, когда привезли ребенка, это было вечером; тревога и страх: ей казалось, что малышка такая маленькая и мы не сбережем ее. Дали Инне валерьян-

ки; ночью вскакивает и то приподнимает ворох одежды, то ощупывает меня, то с тревогой показывает на люстру или в окно, везде ей мерещится ребенок. Встаю к малышке я, она орет, писает и какает в руках, пеленаю; утром адский подъем, вечером – снова пеленки, кормление. Все эти дни – ни минуты отдыха; один день (перед приездом Инны из роддома) я чуть не плакал. Уборка, которой не видно конца, – я сидел как неживой. Георгий Петрович потом спросил:

– Ну как, отошел?

– Немного, – ответил я.

Вспоминаем прежнюю жизнь, когда единственной заботой вечером было приготовить ужин, смотреть телевизор, и думаем: вот они, детки! Неужели теперь так будет все время? Инна еле ходит, сутулится, как старуха; я думаю: господи боже мой, зачем все это – так называемая любовь, после чего женщина так страдает, чтобы родить существо, которое потом отнимет и личную жизнь, и покой.

Прошло три месяца, и, приходя домой, я вижу, что пеленки не стираны, питание для ребенка не сварено; мне неудобно говорить, но часто кажется, что жена плохо относится к своим обязанностям. Я молчу, начинаю стирать; Инна же считает, что целый день она возится со всем этим и после работы я должен прийти и все взять в свои руки. Но это, в сущности, ее забота – ребенок, и она должна как мать и женщина стараться сделать максимум, чтобы вечером оба отдохнули, но часто оказывается: читала книгу – и полный таз пеленок.

Малышка подросла, богатая и смешная мимика: недоумение, обида, лукавство, обалдение (перед цветастым ковром), а вот и улыбка. И крик, от которого лопается все вокруг, и в первую очередь – она, когда вечером относим ее на кровать; страшно не любит спать, обожает общество, собирающееся около нее.

Аннушка чрезвычайно похожа на меня, те же привычки: трет глаза руками; не может долго терпеть, будучи голодной; голову кладет сбоку от подушки. Уши, голова, нос, рот – все мое; очень походит на меня на фотографии, где я стою, совсем еще маленький, с велосипедом, у виноградников. Впервые она играла с погремушкой – стучала по ней лапкой в варежке; долго гремела, как ручной медвежонок или обезьянка.

Я поднялся с трудом, утро было еще темное, шел снег. Светящийся аквариум киоска «Союзпечати», в котором плавали разноцветные рыбы журналов и главная рыба, царь-рыба – продавщица. Я дал ей монетку и попросил «Московскую правду»; она бросила мне газету и стала перебирать, ворошить мелочь. Но я ждал, и она сердито положила (шлепнула) мне монетку сдачи; палец у нее был обмотан черной изолентой, им она расслаивала кипы.

Как-то раз Инна, во время разговора с сестрой Марией, сказала, чтобы та не ходила в университет на дискотеку: там все иногородние.

– Я не собираюсь еще твоего мужа на шею сажать. И так камень висит. Ребенок свой да плюс еще один подарок.

Говорила она как будто в шутку, но прорывалось раздражение.

– Ходи в МАИ, там все москвичи.

Они принялись опять, в том же якобы шутливом тоне, говорить, чтобы я познакомил Марию с приличным молодым человеком, начали прикидывать своих знакомых, оказалось, что ничего подходящего нет.

– Найдите мне, родственники, жениха! – говорила Мария. – Где, где мужчины?!

– Мужчины в метро сидят, читают и не уступают места, – сказала Инна. – Поэтому они ничего не видят и не женятся.

– Но у тебя же на работе полно офицеров.

– Они или маленькие, или старые холостяки. А выходить замуж за старого холостяка – только не это. Ведь у него установившиеся с годами привычки, он будет требовать уважения к себе. И будет считать, что осчастливил тебя. И будет ревновать – не ходи туда, не ходи сюда. Нет, что угодно, только не за старого холостяка.

– Ну, потом можно развестись.

– С ребенком на руках?

– Но что же мне делать? – с комичным выражением говорила Мария.

– Иди в МАИ. Иди в метро, стой и останавливай всех. москвич – не москвич?

– Шутки шутками, а ведь уже и в МГУ ездить сил нет. В прошлом году еще хватало терпения. А теперь как подумаешь – зима. Поздно возвращаться. Метель!

Мы смеемся, потому что Мария строит смешные гримасы.

– Узбеки! В университете одни узбеки, грузины.

– Это уже твое амплуа. Ездить в университет, чтобы познакомиться с узбеком и с ним весь вечер провести.

– Почему там одни узбеки? Там есть москвичи? Сережа, там бывают москвичи?

Я немного простужен и потому сижу в дальнем углу.

– По-моему очень мало. Москвички ходят, а они – нет. У них какая-то своя кухня, они рано женятся и как-то варятся в собственном соку.

– Они нарасхват с пеленок, – сказала Инна. – А между прочим, москвичи – это такое... У кого ни спрашиваю – уроды самые настоящие.

– Я пойду в «Метелицу».

– Куда?! Там нет мужчин. Одни женщины сидят и пьют коктейль. Зачем туда идти мужчине – пить за три рубля коктейль? А студент – у него нет денег.

– Да, проблема, – сказал я. Мне было немного неловко и в то же время забавно; жаль Марию, и одновременно я помнил, что иногда не люблю ее. В иной раз она бывает очень милой, как будто хорошей. Такое же чувство к ней у Инны: Инна любит ее, но иногда ненавидит. Мария лежала на диване, она не завтракала и не обедала сегодня; она вот сейчас была красива, привлекательна, в полосатой кофточке, и отросшие волосы заколоты за ушами, смуглое гладкое лицо, черные глаза. Она пошла на кухню, принесла тарелку с едой и стала есть.

– Москвички некоторые специально едут в университет, – продолжал я. – А многие студенты хотят познакомиться с москвичкой, но так у них ничего и не получается. А женщинам, конечно, еще трудней.

– Да, даже тебе, пожалуй, проще найти хорошую девочку, чем мальчика, – сказала Инна. – Кого бы ты легче нашел?

– Конечно, девочку.

Я рассказал, как пытался познакомить Лешу Старкова с Марией, но ничего не получилось; он ходил в гости к Вале, а та была к нему равнодушна. А парень хороший, поступил в аспирантуру.

– Короче говоря, – сказала Инна, – в этом году ты должна познакомиться. С москвичом, приличным мальчиком, с квартирой. На нашу жилплощадь не рассчитывай. Если приведешь иногороднего – мы вас пропишем, но вы будете снимать квартиру.

– В этом году ничего не получится, – сказала Мария. – Этот год високосный. И я со всеми разругиваюсь.

Она встала и медленно пошла прочь; Инна с ненавистью остановила ее.

– Тарелку!

– Что? – спросила Мария, но вернулась и унесла с собой тарелку, потом долго возилась на кухне. Я пришел – грязная сковородка лежала в раковине, а мне надо было готовить купание для Анны.

– А сковорода?

– Она не моется, отмокает.

Я вымыл сковородку, а там уже Инна ругалась с Марией (она обнаружила вторую грязную сковороду).

– Я пятнадцать лет тебя кормила, ты хоть бы раз помогла! Ты живешь как в гостинице!

Действительно, иногда, посматривая на Марию, и Георгий Петрович в сердцах скажет:

– Слушай, да что такое, глядя на тебя, и все настроение портится!

И отдает приказ:

– К первому числу даю тебе задание – постирать и выгладить мои рубашки!

Подходит первое число, Мария срочно бросается выполнять указание. На кухне выставлена стиральная машина, я помогаю пропустить белье через выжималку, и вот Мария гладит еще влажноватые рубашки.

6

Мы помыли Анечку, я лег спать, выпив аспирин и сульфадимезин. Инна читала. Мне казалось, что следует выключить свет, так как Анна может проснуться, но я ничего не сказал, пусть читает. Ночью Анечка кричала, Инна вставала, потом попросила меня заняться. Было два часа, я встал и подумал, что если я буду теперь заниматься Аннушкой, то завтра опять вырублюсь и заболею. Я был в поту; Анна орала, я постоял и лег. Инна еще раз встала, поулюлюкала, и малышка затихла. В шесть часов я встал, самочувствие было хорошее. Аспирин?

Зима, снег, автобус с затхлым гриппозным запахом. Солянка, люди, спешащие на работу, киоск, газета, проходная. Утром сижу за столом, и глаза слипаются.

Вечером мне опять хуже, начинается кашель. Дома меня перехватывает Георгий Петрович.

– Сережа, да ты заболеваешь! У нас есть хорошее средство – банки. Давай после ужина ложись в кровать, я тебе поставлю.

Я поужинал и лег в постель.

Георгий Петрович позвенел где-то в коридоре наверху и пришел с картонной коробкой, быстро поставил мне банки и сказал:

– Ну вот, теперь минут через десять я зайду.

– Хорошо.

Я лежу, банки сначала переносятся спокойно, затем становится все больнее, потом я как-то приспособливаюсь, уже как будто ничего. Георгий Петрович ходит где-то в квартире; еще какое-то время проходит, и я решаю обратить на себя внимание. Когда Георгий Петрович проходит мимо нашей комнаты, я слегка постанываю.

– А, Сергей! Я и забыл про тебя! Сколько времени прошло? Господи!

Он начинает снимать банки.

– Господи! Еще немного, чуть-чуть, и мы тебя прожгли бы насквозь!

– Да нет, не очень больно, – говорю я.

– Ну слава богу!

Георгий Петрович складывает банки в коробку, и краем глаза я замечаю там пробирку и вспоминаю историю, как эта пробирка помогла нам. Когда-то, сразу же после свадьбы, у нас с Инной ничего не получалось; сопротивление оказалось слишком сильным. Мы пытались сделать и так и этак, но все было бесполезным; тогда Инна сказала:

– Я где-то читала, нужно помочь. Иди по коридору, поднимись, там лежит коробка с банками, а среди них – пробирка. Принеси ее.

Я выполнил все в точности, но Инна возразила:

– Она холодная, пойд и нагрей ее на огне.

Я сделал это, а когда шел к Инне, навстречу попался Ге-

оргий Петрович.

– Ну как, что? Что-то случилось?

– Нет, все в порядке, – сказал я, пряча одной рукой пробирку.

– А, ну хорошо, но если что-то случилось...

– Нет, все нормально.

Я пошел в нашу комнату, Инна взяла пробирку и, лежа в постели, укрывшись, начала двигать рукой.

– Ох уж эта ваша половая жизнь!

Но после этого – о радость! – все получилось!

В то время я был студентом последнего курса; я поехал в университет, была уже зима, и мир казался мне дружелюбным.

Приближаются праздники – Седьмое ноября, а мне необходимо ехать, искать капусту. Инна заквашивает ее в белом ведре, процедура длится три дня, каждый день капуста освобождается от гнета (Георгий Петрович придумал – на вертикально установленную палочку надевается веревка). Затем содержимое ведра многократно протыкается длинной палочкой, это надо проделывать в закрытой кухне, но и оттуда запах просачивается во все комнаты. Только когда шипение капусты прекращается, возобновляется гнет, то есть устанавливается палочка; на третий день капуста готова, очень вкусна и переносится в холодильник.

Утро. Холодрыга! Суббота (после пятницы, то есть дня усталости); не хочется заниматься этим делом. Но ничего, еду, на ближайшей станции метро капусты мало – по два кочана в руки. Еду в ближайший универсам; сначала захожу внутрь, но это надо делать снаружи. Подкатывают тележки, половина капусты разбитая; ждущий народ моментально разбирает хорошую, потом долго роется в плохой, и продавщица не подвозит новую партию. По ложке в час. Холодно. Кругом голо, серые панельные громадины домов, машины частные. Старичок: «Кинь камень – и попадешь в машину торгаша. Семьдесят пять процентов машин – у торговли». Замерзаю, дрожу; ну и жизнь, думается. В универсаме

толпы народу, сумрачно, покупатели из очереди лопатами подгребают мусор, чистят, сами подвозят очередные тележки. Энергичный крупный человек атлетического сложения, в кроссовках, спортивных штанах, куртке, на голове – шапочка; работает лопатой, улыбается. Вот, думаю, пример современного интеллигента-молодца; и я стараюсь настроиться на оптимистический лад, посмотреть юмористически. Наконец – очередь; спортивный интеллигент-оптимист сноровисто набивает два мешка капусты. Мешками нагребает молодая пара – женщина в очках, чрезвычайно интеллигентного и приятного вида, муж ее, парень крепкий и симпатичный, немного дородный. Еще в очереди – девушка в джинсах, с пуделем; передо мною пара колхозного вида набирает три мешка. Я наполняю сетки – шесть кочанов. «Рубль пятьдесят», – говорит продавщица. Чувствую: не может быть здесь двадцать пять килограммов, но мне стыдно усомниться в честности продавщицы, я наверняка знаю, что она надувает меня нагло, отлично поняв по моему виду мою психологию. Холодно, замаялся совершенно; все, и я в том числе, внутренне заискиваем перед продавщицей, хотя та ведет себя не лучшим образом. Еду домой в набитом автобусе; дома (может, не надо, мелькнула мысль) взвешиваем с Инной, оказывается, меня обманули более чем в два раза. Всю дорогу я об этом думал, и тяжелое, неприятное чувство было; и теперь, только что Инна говорит единственное ироничное словцо, я взрываюсь.

– Почему тебя всегда обманывают? Надо быть взрослее.

– Бог мой, откуда я мог определить, сколько там?! Сама покулай! Мне эта капуста совершенно ни к чему!

– Да! Тогда иди и гуляй. Совсем иди!

– С удовольствием! – говорю я, продолжая сидеть с жутким чувством ненависти ко всему.

– Разве так можно? – слезы. – Ты пришел, тебя обманули, ты виноват и начинаешь орать на жену. Ты совсем потерял совесть!

– У тебя ее никогда не было! Попробуй когда-нибудь прийти из магазина и пожаловаться, что ты обманута!

– Меня не обманывают в два раза!

Я одеваюсь и иду покупать кисть для крашения стен. Муторно до безобразия, до умопомрачения, я чувствую себя непригодным к жизни дурачком-интеллигентом, которого можно нагло, в глаза надуть. Надо было спросить у продавщицы, какой вес, и уличить эту негодяйку.

Суббота все такая же сумрачная и холодная; надо покупать кисть и красить стены. Дни уходят, улетают; боже, что за жизнь! Как бездарно, в бесконечной хозяйственной толчее проходят суббота, воскресенье; как я ненавижу выходные! Все: весь мир, вся жизнь – воспринимается как нечто ужасное, нелепое, тюрьма души; душевная боль, самая настоящая, как будто душу давят, гнут, выкручивают.

А потом все прошло.

8

Но мне еще надо путешествовать в прачечную. Опять наступает воскресенье, день тихо плывет, и вот он преломился, и мне как-то грустно – завтра идти на работу. А сейчас еще какие-то минуты свободы. Но надо собираться и ехать. Огромная сумка собрана и ждет тебя у выхода, в ней – белье для стирки, я должен отвезти это. На наволочках, простынях – бирки, пришитые женой; я сдам это в прачечную и получу чистое белье, сданное в прошлый раз. А прачечная расположена в Москве, далеко от нас. Вот уже и вечер начинается, темнеет.

Я собираюсь и выхожу на улицу. Автобус можно ждать долго; не каждый подойдет для моей поездки, а только один, который идет до следующей станции метро.

Наконец автобус прибыл; уже и фары включены.

Прачечная. Очередь. У стенок на стульях с торбами белья сидят люди.

Входит гражданин в сером пальто, высокий, сутулый, в шляпе, лицо темное и маленькое, худое. Тощий. Вопросительный знак. Он останавливается посередине холла и, в упор глядя на ожидающих, начинает декламировать:

...Я московский озорной гуляка.

По всему тверскому околотку

В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку...

Пауза.

– Что смотрите, жители? Вы должны мне рупо... рупоп...
рукоплескать! Ру-ко-плес-кать! Это Есенин!

– Выпил, так иди себе, – бормочет толстый мужчина.

– Ты! Гусь! А ну иди сюда! Я тебя одной... Ну, левой не
гарантирую, но правой... натяну!

Толстый крупный мужчина молчит, женщины посмеива-
ются в сторонку.

Сутулый еще раз читает стихи, поворачивается и уходит.

– Выпил, так иди себе, – говорит мужчина. – Выпил ведь
для своего удовольствия, не для других. Так и надо держать
в себе свои красоты.

Через год, в конце осени, я нахожу в почтовом ящике квитанцию: перевод на восемнадцать рублей восемьдесят две копейки. Вечером, после работы, я иду на почту и получаю деньги; внимательно прочитав, понимаю: это платеж из солидного издания, оплата за мою статью, которую опубликовал этот журнал. Я радуюсь – вот ведь, опубликовали! – итак, истина, мысль все-таки пробивает дорогу. Я помню, как был пессимистически настроен насчет этой статьи и своего научного будущего; в журнал этот, говорила Лыкова, пробиться трудно. Свой круг. Они за все годы пробиться не могли; она, впрочем, воспринимает, опять же, все со своей специфической точки зрения (везде кланы, мафия). А вот – вышли две мои статьи в министерском журнале, и будет статья в центральном; нет, не безнадежна жизнь, и не безнадежно стремление человека вверх (в хорошем смысле слова)!

Ведь это – надежда. Я снова мысленно просматриваю статью, и верно: ведь это похоже на... диссертацию!

И действительно, на работе выясняется, что журнал вышел посвященным конференции; Лыкова поздравляет меня. – Вот, Сергей, правильно, так держать!

И после еще один момент. Некоторое время назад к нам заехали Пудов и Картанов, Лыкова и Батурин окружили их, принесли чаю, конфет. Я оставался несколько в стороне, ме-

ня не звали. Лыкова что-то возбужденно и со смехом рассказывала, Батури́н тоже не оставался в стороне, время от времени подключался к разговору. Перед ними на столе лежал тот центральный журнал, и внезапно Пудов сказал:

– Вот, вот материал! – И стал сотрясать журналом, было видно: что-то ему очень понравилось.

Я увидел, что журнал открыт на странице с моей статьей. Возникло легкое замешательство; Лыкова, Батури́н и Картанов замолчали. Я тоже молчал; непонятно было, знает ли Пудов о том, что автор статьи сидит чуть в отдалении от них.

Я рассказал о своей работе Георгию Петровичу, и тот сразу все понял и сказал:

– Да, это здорово. Ну, желаю тебе успехов!

Это был февраль, и потому теплый ясный вечер особенно приятен. Я купил хорошей колбасы, хорошего масла и шел домой по Чернышевского – Хмельницкого. Я чувствовал стыд оттого, что я – бумажный работник, не производящий ничего материального; и в то же время радость: вот сегодня удалось купить колбасы, масла, и в общем-то в ближайшем будущем, видимо, будет примерно то же, я еще смогу покупать хорошую колбасу и масло. И я оправдывал себя: раз государство платит мне деньги и продает на них вещественные продукты, значит, я нужен; ведь всегда были люди, которые не создавали вещественных продуктов и все-таки жили, и существовали, как правило, лучше тех, других. Я зашел в «Концентраты» и купил отличные импортные яблоки, настроение еще больше поднялось. Мне было даже стыдно за то, что я могу так радоваться колбасе, маслу и яблокам; дело в том, что все было отличного качества, и не каждый день удается сделать такую покупку, я с гордостью шел домой, как удачливый добытчик.

Как-то я решился заговорить с Лыковой об аспирантуре. Стол ее стоит недалеко от окна, развернут, чтобы видеть всех. Я подошел и, видимо, переминался с ноги на ногу; заговорил об аспирантуре. Лыкова сказала:

– Об аспирантуре не волнуйся. Только через три года. По-

том нужно восемьдесят процентов материала. А у тебя я пока не вижу.

– Но результатов же много, – сказал я, чувствуя, как медленно на меня напоздает страх.

– Извини, Сережа, мне надо бежать.

– Но я вас как будто не очень задержал, – чувствуя себя оскорбленным, обманутым, сказал я.

Я ехал домой с тяжелым чувством; стало ясно, что диссертация, защита – все это не так просто, что это потребует многих лет, что нужно будет делать совсем не то, что нравилось и получалось, а какой-то другой труд, представлявшийся огромным и противным. Из меня вытянут все жилы, прежде чем дадут эту бумагу, и все может рухнуть, такие случаи бывают. Я увидел себя сорокалетним инженером с окладом сто пятьдесят, позади – творческая часть жизни, впереди – ничего. Приехал домой в безобразном состоянии, смертная тоска; весь вечер пролежал на кровати, временами задремывал в лихорадочном сне, просыпался, и хотелось плакать.

Что такое диссертация? Сто-двести страниц, отпечатанных на машинке и сброшюрованных. И все? Нет, она – прямое выражение неких высших сил; соискатель, защитивший диссертацию, сам становится носителем этих внешних сил. Скажем, минимальный оклад, которого достоин такой человек, – энное число; это на треть выше, чем зарплата Батурина – ведущего инженера, руководителя группы. И вот поче-

му все становятся молчаливы, когда речь заходит о диссертации.

Или возьмем дальше. Может ли ведущий инженер рассчитывать на некое стабильное благополучие, на то, что его должность как-то гарантирует его положение? Нет. В любой момент его может ждать крах его должности. Правда, существует множество зацепок, если он решит сопротивляться, поднять крик; и все же его должность целиком зависит от неких сил, которые никогда не дремлют. И они – рядом.

А кандидат наук – это звание уже не зависит от тех, кто здесь. Или доктор; это закреплено книжкой с указанием научного звания и подкреплено значительной ссылкой – высшая аттестационная комиссия. ВАК! Вот и все; теперь обладатель этого звания может вздохнуть спокойно и приниматься за последующие научные труды.

Диссертация – это труд, сделанный навечно. Бывает ли такое? Да, случается; и теперь, после защиты, диссертанту гарантирован определенный уровень заработка, и весьма немаленький.

Я заговорил с Инной, рассказал ей свои неясные подозрения о том, что Лыкова чего-то ждет; и сразу моя концепция передалась ей, Инна тоже стала сумрачной. Вскоре мы собирались отмечать мой день рождения.

– Пригласи Лыкову, – сказала Инна.

И я задался целью пригласить.

Целый день Лыкову не получалось уловить, это меня бе-

сило, было стыдно. Вечером заскочила на минутку только – здесь и сразу опять – к начальству. Я решил схитрить – постоять на втором этаже и вернуться (подождать, пока уйдут мужички). Пошел, переждал время; вернулся, а они здесь! Стал рыться в столе, чувствуя себя идиотом и проклиная их (а они пили). Ушли, но ведь поняли, конечно. Ждал Лыкову полчаса, чувствуя себя по-идиотски. Нет! Не появляется. Шел домой в ужасном состоянии, казалось, что потерял единственную возможность, теперь станет еще хуже. Как же быть? Что-то подарить Лыковой? Кошмар! Инна спросила:

– Ну как?

– Нет.

– Эх ты!

Хотел закричать ей: «Не смей меня подгонять! Не смей заставлять меня лезть!»

Инна ушла, слезы. Мне стало страшно; неужели и она чувствует, что все для нас кончено?

– Почему плачешь?

– Ты невозможен. Почему приходишь в таком плохом настроении, слова не скажешь? Разве кто-нибудь из нас так себя ведет? Ты никого не любишь, все тебя раздражают.

День рождения. Были Валя и Валера. Но я был напряжен, грустен где-то глубоко внутри (ах, если бы Лыкову удалось пригласить!). И с напряжением относился к Вале и Валере; я чувствовал, что они не ровня мне, нам. Валя защитилась, Валера зарабатывает большие деньги, думают о даче, о машине. Раньше, в студенческие времена, такого не было. Хоть тяжелы они, эти годы, но нет в них этого сволочизма; хотя некоторые начинают чувствовать все это уже тогда и тотчас лезут. У меня этого в те времена не было, и я думал, что они должны посматривать наоборот: слегка приятно сознавая то, что им удалось стать чуть повыше. Когда провожал, мне было тоскливо; зима, снег, они в шубах.

– Как успехи в работе? – спросил Валера.

– Все в порядке. Попал в новую область. Впрочем, у нас все области новые. – Но мой тон был такой, что я не верю в успех.

Валя показалась мне в этот раз красивей: длинные темные выющиеся волосы. А Инна сказала, что она ей понравилась меньше.

...Сейчас вижу – концепций много; все они имеют какую-то истинность, но не абсолютную. Отошел кошмар. Вижу, что Лыкова – хороший человек, есть и недостатки, но кто без них? И что даже, наоборот, у Лыковой – бескорыстность;

почему же мне показалось непонятно что?

Я познакомился с женщиной из группы Лыковой; фамилия – Кубацкая, ей за сорок; она маленькая и полная. Я мысленно называю ее Ку – буквой Q из латинского алфавита; она остановила меня возле входа в помещение сектора и сказала негромко:

– Я слышала, как вы говорили с Лыковой. Ты хочешь сделать диссертацию?

– Да.

– А ты партийный?

– Нет.

– Это плохо. И потом, вот ты пишешь статьи. А ее не ставишь в соавторы.

– Но я же делаю статьи абсолютно сам. И тематика Лыковой другая.

– Но она метит на докторскую. И ей бы твои статьи были бы очень кстати... Совмещаются ее методика и твоя.

Я не нашелся что сказать. А тут откуда-то вынырнула Лыкова и быстро прошла в сектор; мы с Кубацкой замолчали и смотрели на нее.

Я после этого думал о своей беспартийности. Ведь я делаю то, что нужно в моей тематике, и, думаю, этого вполне достаточно. А о соавторстве... Что ж, можно попробовать; буду писать по три статьи и в одну из них вставлять ее фамилию; поблагодарить за дельные замечания.

Вчера сдавал кандидатский экзамен по философии. Опять это издевательство над личностью – дрожащая моя рука, берущая билет. Что толкнуло меня под руку, я не знаю, беру два билета; Форман (экзаменатор) замечает, показывает мне кулак. Вопрос первый списываю из словаря (Аристотель). Ответ. Лебезю перед экзаменатором (налаживаю человеческий контакт). Списывал, трясаясь от страха; конечно; усталость ужасающая. Поехал на работу (день рождения Лыковой). Компания. Зашел давний ее знакомый – Мкртчян; он женится, разговор вокруг этого. Шуточки.

– Вот кончится медовый месяц...

– А как узнать, что он кончился?

– Когда с фингалом придет.

– Вот когда-то он просунул голову в дырку в трафарете голого мужчины (с листиком). Это было да.

– Трафарет?

– Да. Но дырка не для листика, а для головы.

Потом рассказывали о празднестве каком-то, тощий и длинный изображал Римскую волчицу, встал на четвереньки в пиджаке, оттуда вывалилась рукавица с водой. Двое (и Мкртчян) припали к ней.

Мкртчян:

– Это было непрерывное действие.

Они шутили, смеялись. Я ясно представил это веселье; с одной стороны, молодцы, а с другой – все это сублимация, и в этом какая-то тоска.

Тут же у Лыковой на столе зазвонил телефон, она, смеясь, подняла трубку.

– Да. Ах, Владимир Сергеевич! Я сейчас же бегу! Нет, тут у нас своя компания.

Она вскочила и побежала к двери: это Гарков звонил, наш вышестоящий начальник. Иногда я встречаю его спускающимся по лестнице, идет он очень неторопливо. Я говорю:

– Здравствуйте.

Никакого ответа.

Так же с директором института: его все боятся. Он не отвечает на приветствия; раза два столкнувшись и поздоровавшись, я перестал это делать. Он просто не видит тебя.

Вспомнил, как недавно мы – я и Горбовский – были в туалете. Туалет у нас большой и красивый, находится на втором этаже здания; мы с Горбовским зашли и встали, как положено, у писсуаров. И в этот же миг вошел Гарков, встал рядом с нами. Когда мы закончили, то подошли к умывальникам и стали мыть руки; Гарков прошел мимо и вышел в дверь.

– Вот так, – сказал Горбовский. – Некоторые не умывают руки после этого. Видимо, утром моют хорошенько это дело, и на этом все.

– Точно, – сказал я.

С Форманом дела еще не окончились, он приглашал нас к себе – отметить окончание курса; в выходные дни поехали к нему. Купили, естественно, водки и вина. Потом Игорь Козлов – старший, как бы начальник курса – сходил и принес еще. С нами была девушка – тоже окончила курс; Форман после принесенного вина стал было танцевать с ней; она ушла. Мы почувствовали себя более свободно. В результате, когда я вышел, шел, не шатаясь, но где-то близко к этому; пересадку делал на Курском вокзале. И тут вспомнил, как мы с мамой и сестрой Верой уезжали с Курского поездом из города С. в Краснодар, года четыре назад. Я, Вера и мама – около «Шоколадницы»; мама в ужасных серых босоножках, в кафе идти нам с ней было стыдно. Я не мог найти столовую, не знаю города – студент, учащийся в Москве; подергался туда-сюда – нет вывесок с надписью «Столовая».

Вера смеялась: «Сережка не знает Москвы». Пришлось поздно вечером поесть в забегаловке Курского вокзала. Ночью уезжали в Краснодар. Тополя, крыши; я проезжаю мимо районов, где живет Игорь – мой друг.

И вот еще к воспоминаниям о Формане, его курс по философии что-то имел в себе; вот что я написал в тетрадке, готовившейся стать рефератом:

«Жизнь – это и есть иллюзия. Мы живем, дышим полной

грудью, только когда находимся во власти иллюзий; каждый, вспоминая свою жизнь, может подтвердить: самые лучшие дни в его жизни – это когда были какие-то иллюзии. Итак, с одной стороны, все наши представления, стремления – иллюзии, в смехотворности которых мы убеждаемся с возрастом; с другой – эти иллюзии и есть наша жизнь. Жизнь – иллюзия; иллюзия – жизнь. Значит, то и другое тождественно».

Но потом я это выбросил.

Современная жизнь – это большой неустроенный город, сильно грязный и перекопанный. Битком набитый транспорт с затхлым и гриппозным воздухом; все нервные до предела. В транспорте не принято громко говорить (переговариваться), кричать. С точки зрения женщин, мужчины неинтересные, скучные, убитые; романы, флирт – это что-то архаичное, из стародавних времен. Каждый день два-три часа трясься в транспорте; на работе работы нет, никто не работает и (поэтому) денег получает мало. В магазинах нет хороших товаров, плохо с продуктами питания. Живут в маленьких квартирках по многу людей – не одна семья, несколько поколений; дразги домашние, вражда, желание разъехаться. Всю домашнюю работу, в том числе черную, приходится делать самим: стирать, мыть квартиру, готовить, солить капусту. Сами растим детей, кормим их и убираем за ними. В этом отличие от прошлого, когда привилегированные классы жили «духовной жизнью», а низы тяжело работали на них, делали все черное. Есть, конечно, какие-то и верхи, элита,

те, которые около верхнего эшелона управления; они больше всего боятся этой нашей непривилегированной жизни и всеми правдами и неправдами цепляются за свои места. Они создают круговую оборону, поруку, проникнуть в которую – нужны особые качества: напористость, ум, цепкость, точность, беспринципность. Из желания удержаться наверху проистекает ложь начальникам высшим. Сами высшие начальники также боятся жизни; им кажется, что они у кормила и за одно то, что еще не разваливается страна, достойны почитания, являются историческими личностями. Общество наше, конечно, закрытое, и лучше не касаться этих самых верхних эшелонов.

Что же делать простому горожанину, который ездит в транспорте и видит, что толпы людей растут, что продуктов меньше, они дорожают и он, будучи инженером со стажем, едва может прокормить двоих детей? Что-то поддерживает его, и почему-то все-таки он остается оптимистом, и улыбка мелькает, и шутки он говорит, и суетится, и на лыжах ходит, и деток на санках таскает в лес, и друзей на вечеринки зовет, и поддает.

Вчера дома была безобразнейшая и глупейшая история. Я лежал на тахте с Аннушкой. Подошла Мария, стала цокать языком, звать на руки малышку; я из-за своей нелюбви к Марии не хотел пускать Анечку. А Мария все цокала языком, малышка лезла к ней и плакала, а я держал ее и молчал. Подошла Инна, округлила глаза. Мария хочет показать, что Анна ее любит, это не всегда выходит у Марии, когда же получается, она довольна. Но малышка так или иначе поймет, что настоящая любовь заключается не в минутном качании на руках и поцокивании. Почему же я не хочу пускать ее и ревную?

Потом еще, если думать об Анне, вспоминается ее любовь к смешным сценам. Например, я читаю ей сказку «Красавица и чудовище»; этот ритуал исполняется нами ежевечерне. Дело в том, что есть там слово – «туалет», это, конечно, упоминание о предметах туалета. И вот мы читаем, при этом я зеваю: мне тоже уже пора идти спать; подходим к этому слову, и я вижу, что Аннушка затихла. Я читаю это слово: «туалет» – и раздается радостный смех.

– Ха-ха-ха!

Ну, вот и все; прочитано; можно идти спать.

Один раз, при чтении книжки о подводных жителях, я был неправ; беру в руки книгу, на развороте ее изображено мор-

ское животное. И я говорю:

– Мы прочитаем сказку о тюленях.

И сейчас же Аннушка начинает протестовать:

– Зебра! Зебра!

– Аннушка, зебра – другой зверь, водится в Африке.

– Зебра!

– Аннушка, но папа лучше знает.

– Зебра!

Мы начинаем читать, и тут я вижу, что допустил небольшую ошибку.

– Ах, Аннушка, это, оказывается, не тюлень, это нерпа.

И тут же раздается радостное подтверждение:

– Нерба! Нерба!

Иной раз бывает, что я совсем уже сплю и прочитываю не то: например, вместо «тефтелька» прочитаю «туфелька», после чего раздается неумный смех Аннушки. Как умудрилась туфелька попасть на тарелку?

Наконец Аннушка отпустила меня. Я иду спать и думаю: да, маленькая моя, мне приходится работать, чтобы прокормить всех нас. У меня нет денег, все заработанное мной кончается в момент следующей зарплаты. Есть какие-то люди, получающие деньги, на которые можно купить машину, квартиру. Я не из их числа. И второго ребенка мне не поднять. Что же делать?

Перенесемся в институт. Я заметил, что к нам часто заходит начальник аспирантуры; это улыбающийся всем человек по фамилии Горенко. Он проходит к Лыковой, и они начинают о чем-то шептаться, потом он уходит.

И вот однажды он подходит ко мне и, улыбаясь, говорит:

– Сергей, давай возьмем тебя в аспирантуру.

– Я не против. Но вы должны об этом сказать Лыковой.

– Да там все уже сказано.

– Замечательно.

Потом я думаю: все-таки взяли не через три года, а пораньше, наверное, не хватает людей, которые идут в аспирантуру. Что ж, срок аспирантуры – четыре года.

Когда он ушел, подходит Лыкова.

– Сережа, берем тебя в аспирантуру. Но всякие там поблажки у нас не работают. Директор наш считает, что защищаться нужно по совокупности трудов. И ты ведь знаешь, что научного совета у нас в институте нет. Это значит, надо искать совет. Я, конечно, буду всячески тебя поддерживать. Но я не могу быть твоим руководителем в совете.

Но я пока еще не понимаю, что все это значит.

– Ну, давай обсудим техническое задание минчанам.

Я был против того, чтобы давать им деньги: они ничего не делают. Лыкова: «Так заведено. Научные связи. Не нам

ломать традиции». Ну что ж, пусть; деньги не мои; были бы мои, я бы им не дал.

Есть еще и другие люди, делающие для нас работу, – из того же Минска, но университетские; они тоже считают на больших ЭВМ. Но я обнаружил, что есть еще военные, которые работают на тех же больших ЭВМ, и у них уже имеется набор кривых, по которым можно оценивать результаты. В сущности, на деньги, выделенные нами, две организации будут получать решения, близкие к результатам военных.

Подходил Новый год, на который я возлагал надежды, почти мистически думал о нем: вот придет первое января, и станет все иначе, этот год будет совершенно особым. А пока надо было согласовывать технические задания, и я думал: то ли больше на себя брать, то ли меньше, то ли скорее выгодно мне сделать всю работу, то ли подольше тянуть все это. Чувствовалась усталость, и думалось, что с началом года она как по волшебству пройдет. А еще методика, в которой все же поставил свою фамилию последней, хотя всю ее разрабатывал сам. Волнения, страхи дошли до того, что однажды я думал: боже мой, уехать бы куда-нибудь, в тихий маленький город, одному и найти такую работу, чтобы не было начальников и никаких подчиненных и не надо было бы «бороться за место под солнцем». Как-то утром натошак выпил кофе, в метро образовалось взвинченное состояние, слабость, страх сердцебиения. Вечерами усталость, мрачные мысли обо всей этой кутерьме; и вдруг вздохнул слегка свободнее, когда стало ясно, что формально ответственный исполнитель НИР не я и не могу им быть, ибо я – инженер! Всего лишь! Что же будет дальше?! Я понял, что надо поспокойнее относиться ко всему, иначе дойдет бог знает до чего.

Как-то раз был разговор с Инной, и мы поняли, что в отношениях между людьми всюду устанавливается естествен-

ным путем, если так можно выразиться, презумпция недоверия, надувательства. Между женщиной и мужчиной, начальниками и подчиненными, сослуживцами и – более широко – коллективами, предприятиями. Нельзя быть слишком хорошим: партнером, начальником, сослуживцем, подчиненным и так далее; иначе сядут на голову. Из этого начинают в конце концов исходить все. Я сказал Инне: что-то такое говорил Георгий Петрович давным-давно; при упоминании Георгия Петровича Инна начинает обиженно дуться. Все мы заметили, что он часто пропадает допоздна. Однажды Инна спросила его:

– Папа, а ты где пропадаешь? Нам это непонятно!

И тут Георгий Петрович взвился; он стал кричать, что он взрослый человек и не позволит другим вмешиваться в свою жизнь.

Инна молчала, вся в слезах, я сидел, не зная, что делать. Несколько лет назад они похоронили маму, и Инна до сих пор вспоминает ее. Но что же теперь, Георгий Петрович не имеет права на личную жизнь?

На работе мимо меня идет Анна Гавриловна и останавливается.

– Ну что, Сережа, сделал что-нибудь новое?

После моего ответа она говорит:

– Но ведь то, что ты делаешь, – ерунда?

Я пожимаю плечами. Анна Гавриловна отходит. Я называю ее про себя «пиршество женского тела»; так она когда-то выразилась. «Современные мужчины никуда не годятся». Рассказывает страшные истории: взорвался телевизор; продавцы избili девушку, и она выбросилась из окна; мальчик, дурачась, повесился на шарфе. Главное же – это «современные мужчины никуда не годятся»; ей хотелось бы, чтобы мужчина был более активен, пусть даже не по отношению к ней. В себе она уже отчаялась; все беды женского одиночества проистекают от тупости, трусости, равнодушия, пустоты современных мужчин. Она ездит на курорт, оттуда приезжает загорелая, с обвисшей кожей. Всегда лезет в разговор и моментально начинает противоречить, спорить. О Батуристине: «Подумаешь, какой-то ведущий инженер». Разговоры о Черноморском побережье Кавказа, там она действительно бывала и хорошо все знает. Любит поговорить о свойствах человеческой природы и вообще... немного философ. «Говорят, сейчас плохо. А так было всегда». А мужчины какие-то иди-

оты, одеваются бог знает как, говорят неизвестно что, отпуск проводят дома, ограничены. Как-то сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.